

Этот благополучный второй молодой господин клана Цзи, почему он вечно попадает в руки этому обманчивому Цзи Ичэню? Как ни размышлял об этом Цзи Фэн, он никак не мог взять в толк...

Время ужина уже наступило, но Цзи Линьчэнь так и не дождался Цзи Ичэня, который обычно приходил к нему. На сердце у него было беспокойно. Сначала он заглянул в прежнюю комнату Цзи Ичэня и обнаружил, что того там нет, после чего отправился искать его в свою собственную спальню, но там тоже никого не оказалось. Подумав, что Цзи Ичэнь, должно быть, проголодался и отправился в столовую один, он направился туда, однако все его поиски оказались напрасными — найти парня не удалось.

Клан Цзи не то чтобы огромен, куда же мог спрятаться Цзи Ичэнь? Нахмутив брови, Цзи Линьчэнь плотно сжал тонкие губы, размышляя о том, где же сейчас прячется Цзи Ичэнь...

Он и не думал верить, будто Цзи Ичэнь затеял с ним прятки; весьма вероятно, что Цзи Ичэнь уже сбежал из поместья клана Цзи...

Одолеваемый этой мыслью, Цзи Линьчэнь больше не мог усидеть на месте. Он поднялся на ноги и широким шагом направился к двери, но едва распахнул её, как увидел стоявшего на пороге Цзи Ичэня. По шее Цзи Ичэня всё ещё текла свежая кровь, немало её испачкало и его белое личико, красивые миндалевидные глаза застилала прозрачные слёзы, миниатюрный кончик носа покраснел, а нежные губы полностью лишились краски. В этот момент он до боли напоминал раненого оленёнка, которого Цзи Линьчэнь некогда повстречал в глухом лесу...

— Ичэнь, что, что с тобой случилось? Как ты пострадал?

Цзи Линьчэнь от растерянности не знал, за что хвататься. Он протянул руку, но не успел даже коснуться Цзи Ичэня, как тот стремглав бросился прямо в его объятия, крепко обхватил за талию и горько зарыдал в голос.

Слушая эти разрывающие сердце рыдания Цзи Ичэня, Цзи Линьчэнь хмурил брови всё сильнее, а его глубокий взгляд становился всё холоднее и холоднее. Посмеявшийся обидеть его маленького львёнка — кто бы он ни был — бросал вызов его авторитету, а значит, просто не хотел жить...

Хотя Цзи Ичэнь уже достиг совершеннолетия, сложен он был миниатюрно и выглядел лет на тринадцать-четырнадцать — как раз в том беззаботном возрасте, когда и смех, и слёзы одинаково искренни. Мысленно вздохнув, Цзи Линьчэнь принялся терпеливо, раз за разом, похлопывать Цзи Ичэня по спине, успокаивая его вздрагивающее от всхлипываний тельце.

Убедившись, что буря стихла и Цзи Ичэнь плачет уже не так сильно, Цзи Линьчэнь подхватил его на руки, одним пинком захлопнул дверь, повернулся к дивану, подошёл и опустился на него, пристроив Цзи Ичэня у себя на коленях.

В таком положении Цзи Линьчэнь отлично видел рану на шее парня: на нежной белой коже отпечатался целый круг следов от зубов, кожа под ними была содрана, и из ран сочилась кровь. От этого зрелища в душе Цзи Линьчэня поднималась волна за волной ярости. Его глубокие глаза потемнели, а воздух вокруг него промёрз до предела.

Посметь поднять руку на его человека прямо в поместье клана Цзи — этот ублюдок явно переоценил отведённый ему срок жизни...

— Говори, кто это сделал?

Холодный и низкий голос Цзи Линьчэня заставил хрупкое тело Цзи Ичэня слегка вздрогнуть. Тот поднял голову, обнажая покрасневшую кожу под красивыми миндалевидными глазами. Его обиженный вид действительно вызывал жалость: в глазах всё ещё таился испуг от пережитого потрясения, а покрасневший нос то и дело шмыгал от всхлипываний.

— Это, это второй молодой господин, он... — Цзи Ичэнь заикнулся и снова заплакал, выглядя так, будто Цзи Яньчжи сотворил с ним нечто ужасное.

Сейчас Цзи Ичэню было необходимо, чтобы Цзи Линьчэнь поверил, будто Цзи Яньчжи причинил ему вред. И дело было вовсе не в попытке поссорить братьев — он лишь хотел обеспечить себе прочную опору в военной среде в будущем, продолжая полагаться на Цзи Линьчэня как на могучее дерево. Ведь за большим деревом и прохладнее укрываться!

Стоило Цзи Линьчэню услышать, что за этим стоит Цзи Яньчжи, как его гнев вспыхнул с новой силой!

Он потерял мать в раннем детстве. Цзи Яньчжи был рождён мачехой; мачеха относилась к нему хорошо, но погибла вместе с его отцом в авиакатастрофе, оставив их обоих сиротами. В огромном клане Цзи остались только они вдвоём, зависящие друг от друга.

Клан Цзи входил в число четырёх великих семей, и поскольку они с Цзи Яньчжи были сыновьями главы главного ветвевоего клана, на их плечах лежала ответственность за руководство родом. Желая подарить Цзи Яньчжи более счастливое и радостное детство, чем выпало на его собственный долю, Цзи Линьчэнь взял на себя абсолютно все дела семьи, превратившись в настоящую рабочую машину, пахавшую ради клана. О какой уж тут романтике могла идти речь — даже на обычное общение времени не оставалось, всё подчинялось расчету во имя процветания клана Цзи.

И пока Цзи Линьчэнь всецело посвящал себя семейному делу, полагаясь на то, что раз отца больше нет, он, как старший брат, должен должным образом наставить Цзи Яньчжи на путь истинный, он всё же упустил из виду воспитание брата. В итоге Цзи Яньчжи вырос никчёмным сдатчиком, который ничего не умеет и представляет из себя абсолютный ноль! Всё это ускользало от внимания Цзи Линьчэня раньше. А когда он спохватился, Цзи Яньчжи уже сделался упрямым и больше не был тем крохой, что крутился вокруг него и ласково звал старшим братом...

Цзи Линьчэнь думал, что в эти смутные времена внутренних бед и внешней угрозы Цзи Яньчжи одумается. Поэтому, когда тот впервые попросился в армию, Цзи Линьчэнь ответил отказом, но в душе искренне радовался, полагая, что младший брат наконец прозрел. И когда Цзи Яньчжи попросил об этом во второй раз, он согласился, рассчитывая, что в войсках тот превратится в настоящего мужчину, точь-в-точь как он сам!

Только вот, не успев даже попасть в армию, Цзи Яньчжи снова подхватил свою барскую хандру, да ещё и выплеснул её прямо на него, Цзи Линьчэня!

Цзи Линьчэнь протянул палец и осторожно коснулся следов от зубов на шее Цзи Ичэня. Хотя движение было лёгким, сидевший у него на коленях малыш всё равно резко всхлипнул — очевидно, ему было больно...

— Тихо, не плачь. Я обработаю рану, а то вдруг воспалится, ничего хорошего не выйдет, — понизив голос, мягко произмолвил Цзи Линьчэнь.

Однако Цзи Ичэнь не двигался, лишь опустив голову и тихонько всхлипывая, а его маленькие ручки впились в белую рубашку Цзи Линьчэня. В такой одежде завтра возвращаться в часть было точно нельзя...

В глазах Цзи Линьчэня мелькнуло сочувствие. Стоило ему лишь взглянуть на этого кроху, как в его душе неизменно затрагивались самые нежные струны. Любая эмоция малыша — слёзы или смех, радость или печаль — всецело владела настроением Цзи Линьчэня.

Например, сейчас Цзи Линьчэнь хоть и задвинул на время гнев на Цзи Яньчжи, но мог поклясться, что по прибытии в армию не сделает для того ни единого исключения! Он заставит Цзи Яньчжи пройти суровую школу жизни и намертво выбьет из него эту барскую дурь!

Даже родным братьям стоит вести честный счёт! А уж когда дело касалось этого малыша по имени Цзи Ичэнь, с Цзи Яньчжи тем более следовало разобраться самым тщательным образом...

Видя, что Цзи Линьчэнь терпеливо его успокаивает, Цзи Ичэнь шмыгнул носом. Представление было сыграно почти убедительно, и настало время переходить к делу. Осторожно отодвинув руку Цзи Линьчэня, которая смазывала рану, он повернулся, с жалким видом протянул к его теплым ладоням свои маленькие ручки и поднял изящное белолицее личико. Его прекрасные миндалевидные глаза всё ещё влажно блестели, и этот крошечный образ донельзя будоражил воображение.

Алые губы чуть подрагивали, и с них сорвался мягкий, капризный голосок:

— Цзи... Цзи, старший молодой господин, вы можете взять меня с собой... с собой в армию?

Заметив растерянность во тьме глубоких глаз Цзи Линьчэня, Цзи Ичэнь придал лицу ещё более обиженное, невинное выражение и заговорил вновь:

— Если я останусь здесь, то боюсь, что второй молодой господин... он снова что-нибудь со мной сделает... Моё сердце уже принадлежит другому, разве я могу так поступать...

Цзи Линьчэнь резко протянул руку, перехватил крошечную ладошку Цзи Ичэня и крепко сжал её. Его глубокие глаза потемнели, а низкий голос прозвучал с угрожающим оттенком:

— Говори, кому принадлежит твоё сердце? Неужели этому сопляку Линь Хуаю?!

Заметив встревоженное выражение на лице Цзи Линьчэня, Цзи Ичэнь ликовал про себя, но снаружи остался воплощением испуга. Шмыгнув носом, он пролепетал:

— Т-тот, кто мне нравится — это, конечно же, вы, старший молодой господин Цзи. В-в конце концов, мы ведь уже спали на одной кровати...

Они и вправду ночевали на одной постели, причём Цзи Линьчэнь всю ночь прижимал его к себе. Но, вспомнив холодновато-красивую внешность Линь Хуая и его высокую стройную фигуру, Цзи Ичэнь твёрдо решил: Цзи Линьчэню точно не может нравиться столь слабый и изнеженный тип, как он...

Но в следующую же секунду система сбила всю его уверенность.

Поздравляем Хозяина системы с успешным открытием любовной ветки Цзи Линьчэня. Во избежание краха мира и ради его нормального развития, пожалуйста, как можно скорее доведите до максимума шкалу благосклонности Цзи Линьчэня и успешно покорите его.

Поздравляем Хозяина системы с успешным открытием любовной ветки Цзи Линьчэня. Во избежание краха мира и ради его нормального развития, пожалуйста, как можно скорее доведите до максимума шкалу благосклонности Цзи Линьчэня и успешно покорите его.

В голове Цзи Ичэня прозвучал лишённый всяких эмоций механический голос Сяо Лю, и он замер в объятиях Цзи Линьчэня.

В смысле? Всё развивается совершенно не так! Разве Цзи Линьчэнь не любит Линь Хуая? С чего вдруг у него открылась любовная ветка, направленная на него самого? Это же ни в какие ворота не лезет!

В прекрасных миндалевидных глазах Цзи Ичэня мелькнуло замешательство, и он поспешно мысленно спросил:

— Сяо Лю, у вас там что-то сломалось? С какой стати Цзи Линьчэню я вдруг понравился? Он же явно убивался из-за того, что Линь Хуай любит женщин, как он мог так быстро переметнуться и вспылать ко мне чувством?

— ...Хозяин системы, Сяо Лю хотел бы спросить вас: а Цзи Линьчэнь хоть раз лично говорил вам, что любит Линь Хуая? Цзи Ичэнь услышал это и онемел. Цзи Линьчэнь и впрямь никогда не говорил ему о своей симпатии к Линь Хуаю, но по всему поведению Цзи Линьчэня было очевидно, что тот любит Линь Хуая!

Например, когда Линь Хуай обрабатывал ему рану, Цзи Линьчэнь нарочно цеплялся к Линь Хуаю; стоило ему самому упомянуть Линь Хуая, как Цзи Линьчэнь в гнев предостерегал его и заявлял, что Линь Хуай любит женщин. А только что Цзи Линьчэнь явно тоже решил, что под возлюбленным он подразумевает Линь Хуая, и так ревновал, что едва не до боли сжал ему руку... Неужели всё это было лишь его, Цзи Ичэня, заблуждением?

— Цзи Линьчэнь ничего такого не говорил...

— Вот именно, у Сяо Лю на дисплее отображается, что Цзи Линьчэнь никогда никого не любил. Хозяин системы, вы — первый, кто открыл любовную ветку Цзи Линьчэня, здесь не может быть ошибки. На данный момент показатель благосклонности Цзи Линьчэня равен пятидесяти, пожалуйста, постарайтесь как можно скорее заполнить шкалу до максимума и успешно пройти ветку покорения Цзи Линьчэня.

Вновь услышав голос системы Сяо Лю, Цзи Ичэнь нахмурился, в его глазах мелькнуло замешательство. Он покусал свои нежные губы и подумал: интересно, а если пожалеть прямо сейчас, еще не поздно?

Он ведь вовсе не собирался намеренно заигрывать с Цзи Линьчэнем! Если бы он знал заранее, что у Цзи Линьчэня на его счет виды, он бы ни за что не стал просить Цзи Линьчэня о помощи. Уж лучше было напрямик обратиться к Линь Хуаю, избавив себя от лишнего задания — какая же это морока...

— Т-ты говоришь правду? — В этот момент в низком голосе Цзи Линьчэня слышалось легкое подрагивание, явно вызванное сильным волнением.

Цзи Ичэнь поднял свое личико. Его покрасневшие глаза все еще блестели от влаги, кожа была белой с легким румянцем, и даже тончайший пушок казался Цзи Линьчэню невероятно милым...

Наверное, это и называется «любить кого-то — так и воробышка его любить». Пока это Цзи Ичэнь, Цзи Линьчэню всё в нем казалось самым лучшим.

Когда любимый человек признается тебе в чувствах, это первое пробуждение любви заставляло Цзи Линьчэня чувствовать себя столь же простодушным, как в юности. В его глубоких глазах читалась нескрываемая радость.

Стоило Цзи Ичэню послушно кивнуть и тихо произнести «угу», как Цзи Линьчэню внезапно показалось, что ночное небо за окном безупречно чисто, усыпано звездами, а луна сияет необычайно ярко — все это сулило прекрасный знак.

Какая же чудесная нынче выдалась ночь...

Цзи Ичэнь посмотрел на сияющие глубокие глаза Цзи Линьчэня, молча сглотнул вязкую слюну и тревожно заерзал на месте, до смерти боясь, что Цзи Линьчэнь сдуру вздумает взять его прямо сегодня ночью!

Ради выполнения задания Цзи Ичэнь был готов пожертвовать собой и телом, но события развивались слишком стремительно, и ему, ему ведь на самом деле было немного страшно...

Тук-тук. В этот момент за дверью раздался стук.

— Господин генеральный инспектор, из армии пришла телеграмма, случилось ЧП. — Это был голос Линь Хуая.

Услышав это, Цзи Линьчэнь помрачнел. На его угловатом лице исчезло только что царившее мягкое выражение, а глубокие глаза потемнели. Цзи Ичэнь заметил каждую мелочь: сначала он мысленно с облегчением выдохнул, а затем поспешно выскользнул из объятий Цзи Линьчэня. Он так и остался стоять там, опустив голову и скрывая трудно утаиваемое ликование.

— Раз уж у вас с доктором Линь есть служебные дела, то... то я тогда пойду к себе в спальню спать...

Цзи Линьчэнь молчал уже добрую минуту, и Цзи Ичэнь, решив, что тот разрешил ему уйти, без малейших колебаний развернулся, намереваясь ретироваться. Но едва он повернулся, как услышал мягкий, низкий голос Цзи Линьчэня:

— Впредь тебе необязательно называть меня столь официально, просто зови по имени. Мне не нравится, когда ты зовешь меня господином генеральным инспектором — всякий раз, когда ты произносишь эти четыре слова, в твоём голосе звучит какой-то странный оттенок.

Цзи Ичэнь услышал это, обернулся и одарил Цзи Линьчэня теплой улыбкой:

— Я понял. Только вот когда мы вернемся в армию, можно я буду называть тебя вот так: Сяо Линьчэнь~?

Цзи Линьчэнь от такого обращения едва не рассвирепел. Он уже собирался подняться и схватить Цзи Ичэня за руку, но тот резко распахнул дверь. Линь Хуай, стоявший снаружи как на иголках, услышав доносившиеся из комнаты шутливые голоса двоих, почувствовал себя еще более раздраженным. Едва дверь открылась, он шагнул прямо внутрь. Заметив, что оба стоят в полном порядке и полностью одеты, он вдруг почувствовал некоторую неловкость — в конце концов, он прервал интимный момент Цзи Линьчэня...

— Господин генеральный инспектор, в армии ЧП...

Цзи Линьчэнь посмотрел на ворвавшегося Линь Хуая с нахмуренными бровями, с легкой улыбкой в уголке рта откинулся на спинку дивана и стал перебирать точеными пальцами замысловатый рельефный узор на обивке. Его правая нога лежала поверх вытянутой левой, а пряжка ремешка с серебряным орлом на поясе ярко блестела под светом лампы, казалось, будто хищная птица ожила и ее острый пронзительный взгляд впился в стоявшего перед ним растерянного Линь Хуая.

Он знал: Линь Хуай сейчас вовсе не переживает из-за армейских дел. Судя по многолетним наблюдениям, за Линь Хуаем никогда не замечали паники, какие бы трудные и запутанные проблемы ни возникали в войсках — он всегда решал их холодно и рассудительно. К тому же, судя по тому, что он только что услышал от Цзи Фэна, когда разыскивал Цзи Ичэня, Линь Хуай в тот момент тоже занимался поисками Цзи Ичэня.

Если взглянуть на это под таким углом, сейчас Линь Хуай нервничал исключительно из-за Цзи Ичэня...

Уголки губ Цзи Линьчэня изогнулись еще сильнее. Оба присутствующих недоумевали, чему он улыбается, и лишь сам Цзи Линьчэнь знал, что улыбается от безысходности и злости. Малец Цзи Ичэнь парень занятный, но, судя по всему, развлечься с ним хочет не только он, Цзи Линьчэнь, но и его собственный младший брат, и верный подчиненный, который следует за ним уже не первый десяток лет — все они не прочь затеять с ним эту игру...

— Что там в армии? — однако, открыв рот, Цзи Линьчэнь задал вопрос исключительно о делах службы. Улыбка в тот же миг исчезла с его лица, и теперь его суровый, убийственно холодный вид ничем не отличался от обычного.

Услышав, что эти двое собираются обсуждать серьезные дела, Цзи Ичэнь тут же захлопнул дверь. После этого он встал у входа и глубоко вздохнул, возвращая на место застрявшее в

горле от страха сердце.

Только что, не зная, как отреагировать, он мог лишь кивать и отвечать согласием, но кровожадный вид Цзи Линьчэня, готового «сожрать живьем», отпечатался в его памяти во всех подробностях — тот действительно напугал его до дрожи в коленках...

Цзи Ичэнь не стал возвращаться в спальню Цзи Линьчэня, а вышел на открытую галерею. Он смотрел на лунный свет и немного погрузился в себя.

Это был второй мир, который он проживал. В тот момент, когда в первом мире он потерял сознание, он услышал, как система отделяет его основные чувства от того мира, и теперь в груди неизменно зияла пустота, словно чего-то не хватало...

Он протянул руку и надавил на грудную клетку. Когда он незадолго до этого оттолкнул Цзи Яньчэня, в груди жутко защемило и заныло, словно наказывая Цзи Яньчэня, а первоначальный владелец тела будто бы испытывал сердечную боль...

— Тебя ведь буквально до смерти уморили, а ты все еще так переживаешь за этого негодяймэна? Какая глупость... — пробормотал Цзи Ичэнь, легонько массируя ноющую грудь.

— Это ты сейчас себя дураком называешь?

Услышав это, Цзи Ичэнь повернулся и увидел Цзи Фэна. Он приподнял бровь:

— И что же, у главного управляющего Цзи тоже есть привычка подслушивать чужие разговоры?

Цзи Фэн ничего не ответил. Сделав два широких шага, он вплотную подошел к Цзи Ичэню, наклонился и заглянул прямо в его бледное, изящное личико. В его ясных чистых глазах отражалось лишь пустое дно, не позволяя разглядеть ни единой эмоции.

— Я — смертник, и проник в клан Цзи лишь ради того, чтобы добывать полезные для Хозяина сведения. А ты сейчас — драгоценность на ладонях у обоих братьев Цзи. Ты знаешь, каждое твое слово, каждая сказанная фраза могут сыграть на руку Хозяину. Я просто выполняю свое задание.

Услышав это, Цзи Ичэнь отступил на шаг от Цзи Фэна, выпрямился и громко произнес:

— Мы оба здесь ради выполнения заданий, просто каждый полагается на собственные способности, так что тебе вовсе незачем так на меня пялиться. Раньше я собирался лечь в постель к Цзи Яньчэню, но теперь очевидно, что истинный хозяин клана Цзи — это Цзи Линьчэнь. У меня и с Цзи Яньчэнем-то ничего не было, а лечь в постель к Цзи Линьчэню теперь — это лишь крайняя мера. Спорим, ценные сведения, которые ты годами не мог раздобыть, шпионя в клане Цзи, я смогу узнать всего за одну ночь...

Глядя на стоящего перед ним самоуверенного Цзи Ичэня, который ни капли не стыдился того, что занимается самоуничтожением, Цзи Фэн холодно усмехнулся и выпрямился. Его глаза по-прежнему оставались чистыми до самого дна:

— Цзи Ичэнь, ты что, заслуживающей похвалы хвастовства привычкой считаешь укладываться в постель к мужчинам? Или ты добился признания Хозяина и был отправлен сюда именно после того, как побывал в его постели? Не забывай, кто такой Цзи Линьчэнь. Когда настанет эта ночь, в том самом деле... неужели Цзи Линьчэнь не заметит, что ты уже не девственник?

Когда Цзи Фэн снова встретился взглядом с прекрасными глазами-фениксами Цзи Ичэня, он от неожиданности бессознательно отпрянул назад на полшага. В конце концов он упрямо задрал подбородок, молча сглотнул, а на лбу у него выступили капельки холодного пота...

В этот миг выражение лица Цзи Ичэня было еще холоднее, чем то, что он видел в комнате. Особенно в тех прекрасных глазах-фениксах — то ли ему показалось от усталости, то ли из-за плохого ночного освещения, но ему почудилось, будто зрачки Цзи Ичэня сузились в тонкие черные щелки, источающие жутковатый блеск, в точности как у змеи...

Однако, когда он с усилием зажмурился и посмотрел снова, Цзи Ичэнь уже отвернулся, прекращая всякий зрительный контакт. Уходя, Цзи Ичэнь бросил ему напоследок фразу, и в его голосе больше не было прежней игривости и миловидности — от холода веяло так, будто они очутились посреди ледяной пустыни:

— Цзи Фэн, не воображай, что раз ты ноишь звание чертового главного управляющего клана Цзи, то я стану тебя бояться. Мне плевать, что ты обо мне думаешь, потому что для меня ты — всего лишь попутчик, на которого придется опираться лишь временно.

<http://bllate.org/book/22217/2317448>